

НАША СТРАНА

Editor: JUAN SOLONEVITSCH

Casilla Correo 2847

Buenos Aires

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. Nº 279513

AÑO I.

Buenos Aires, Sábado, 25 de Diciembre de 1948

Nº. 8.

ТАК ЧТО ЖЕ БЫЛО В ГЕРМАНИИ?

Философия войны

Германия жила в атмосфере рекламы и саморекламы, внушения и самовнушения. Внушению этому в какой-то степени поддались и все мы. И мы сами много десятилетий подряд смотрели на Германию сквозь призму немецких цитат: “вот, видите, и а н н с а н о, черным по белому, и не кем-нибудь, а профессором, ученым, академиком, доктором философии, автором двадцатитомного собрания сочинений”... Как было не верить? — “Вот с давних пор привыкли верить мы,

Что чам без немцев нет спасенья”...

В 1939—1941 годах — может быть, и еще позже, Германия казалась многим из нас единственной возможностью спасения. Люди верили в то, во что х о т е л и верить, и эта вера подкреплялась тоннами и тоннами совершенно научных цитат. Никто в мире не продуцирует столько цитат и столько цитатных профессоров, как Германия. Повидимому, все профессора в мире действуют одним и тем же приемом: приемом умолчания. Так наши классические историки — Платонов и Ключевский, — излагая ход заговора, восстания и казни декабристов, у м а л ч и в а ю т об их планах, так сказать, “масового царевубийства”. В Берлине мне попался том истории автомобиллизма, страниц семьсот, в котором на автостроение в САСИ было уделено четверть странички, а на Форда — три строки. Все о с т а л ь н о е сделали немцы. Все, что было в мире изобретено — было изобретено немцами. Все, что в мире было организовано — было организовано немцами. Именно у них, у немцев, была самая высокая в мире наука, самая высокая в мире техника, самая мощная в мире промышленность, самый боееспособный в мире солдат, — и все это в будущей войне будет направляться по законам самой высокой в мире науки о войне.

Наши цари кое-каких ошибок все-таки наделали. Ну, что стоило императору Павлу Первому возвести А. В. Суворова не в чин генералиссимуса, а в сан профессора: может быть тогда наш генеральный штаб изучал бы “науку о войне” по Суворову, а не по Клаузевицу. Приставить к Суворову нескольких литераторов, которые составили бы его военному потомству хоть полдюжину брошюр, из которых наши военные профессора могли бы вырезать и подклеить хоть дюжину цитат. Но русская военно-научная мысль, которая имела за собою самую блестящую военную историю мира, изучала науку о войне по немецким цитатам, за которыми стояла самая неудачная военная история мира. За этими цитатами мы как-то просмотрели некоторое количество совершенно очевидных вещей.

Одна из них сводится к тому, что за всю военную историю всех Райхов вместе взятых, Германия имела только одну более или менее настоящую победу: победу над Францией во Франко-Прусскую войну 1871 года. И что в этой войне Германия превосходила Францию количественно раз в два и по подготовке еще раз в два. Что во Франции в 1871 году шел приблизительно такой же политический развал, как и в 1914, 1940 и 1948 году, и что, вследствие всего этого, в чисто военном отношении Германия Бисмарка превосходила Францию Наполеона Третьего раз в четыре. При четырехкратном превосходстве сил можно побеждать, не смотря на “науку о войне”. Наука о войне начинается там, где полководцы бьются более сильного противника. Нашу военную науку нужно было строить на исторической базе Александра Невского, Димитрия Донского, Румянцева, Потемкина, Суворова, Кутузова, Скобелева — а не на базе немецких князьков, вот вроде Фридриха “Великого”, который во главе шестисот тысяч немецких армий одерживал победы над пятидесяти тысячами тоже немецкими армиями и которого только Петр Третий спас от полного разгрома и самоубийства. Немецкая военная история переполнена полководцами, которые совершали десятиверстные переходы в соседние княжества и там отвоевывали сотни квадратных верст. Почти на эту тему была карикатура в “Симплициссимусе”: сидит немецкий фюрер в своем парке и спрашивает своих придворных: “Что, какжется, идет tonight?” — “Нет, Ваше Высочество, это в соседнем княжестве пробуют новый пожарный насос”.

Но зато в каждом соседнем княжестве были свои придворные философы, историки и летописцы, и количество цитат, оставленных ими в изиливание обладателю потомству, было истинно рекордным. Вероятно, именно поэтому произошла довольно трудно объяснимая вещь: ген. Суворов командовал войсками в девяносто трех сражениях и из девяносто трех сражений выиграл все девяносто три. Ген. Клаузевиц не командовал ни в одном, но естественному ходу событий, не выиграл ни одного. Кооператив Бисмарк-Мольте разбил раз в четыре слабейшего противника. Суворов бивал раз в десять сильнейшего. Но “науку о войне” мы все-таки изучаем по Клаузевицу. А по Суворову только служим напихиды. Иногда и по самим себе. Если бы русский генеральный штаб войны 1914—17 года вел бы по Суворову, а не по Клаузевицу, мы, вероятно, и до сих пор гуляли бы по Невскому проспекту. Вообще если бы мы постарались жить без Ге-

Por JORGE B.

En todo el mundo, entre los pocos caballeros que aun quedan con vida ha aparecido en los últimos tiempos un sentido general de gran inquietud. Como en las trincheras del frente una voz misteriosa advierte al combatiente diciéndole — “no levante la cabeza” o — “correte a la derecha”, y, pasando un instante el soldado se ve salvado de una muerte segura por haber sabido escuchar la voz salvadora. Parece una voz similar se hace sentir hoy entre esta gente rara que piensa por su propia cuenta, que se conforma con poco, que sabe que el dinero no es felicidad, que comprende que el materialismo, hoy tan respetado, tiene muy corta vida para ellos como es corta la vida de ellos mismos. Esta gente que compra “La Razón” sólo para leer un artículo de Pitigrilli y mirar la caricatura de Flax y que se sienta orgullosa por no tener nada en común con el resabio Bernar Schouw deplorando a este hombre tan viejo y tan infeliz. Caballeros que se dan cuenta que entre la sabiduría y la estupidez humana no existe frontera alguna. Poco importa a ellos que un Moische Shertok asalta a mano armada un monasterio griego católico en Herusalén y entrega los valores sagrados robados a su amo moskovita a la vista de tdo el mundo civilizado, pues a pesar de todo el oro que posee, de toda la prensa que dirige y todos los vendidos que maneja seguirá Moische judío errante como hasta hoy.

En fin entre esta gente “reaccionaria”, “antiprogresista”, “anticomunista” se capta una voz misteriosa, diciéndoles sin palabras — “La humanidad está en los umbrales de Apocalipsis, prepárate para lo inevitable, lo merecido, lo catastrófico.”

Arrepentido, rezad al PADRE NUESTRO QUE ESTAS EN LOS CIELOS.

Amén.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА:

ВО ФРАНЦИИ — 50 ФРАНКОВ
В БЕЛЬГИИ — 10 ФРАНКОВ

гелей, Клаузевице и Марксов, мы едва ли оказались бы в более глупом положении, чем сейчас.

ТЮБИКИ.

В Коране, говорят, есть такая рекомендация: “Если тебе нужен совет — спроси женщину и поступай наоборот”. Я не мусульманин и совет Корана средактировал бы несколько иначе: если вы хотите что-то понять — прочтите, скажем Милюкова и постарайтесь понять наоборот. Это, конечно, слегка теоретично. Но, если бы, скажем, тот же Милюков делал бы как раз обратное тому, что он совершал в реальности — выиграла бы Россия, выиграл бы и сам Милюков. Если вы просмотрите все пророчества нашей и немецкой профессуры, и у каждого пророчества перемените знаки — вместо плюса — минус, и вместо минуса — плюс, — то результат будет все-таки более или менее приближаться к действительности. Это, в частности, относится и к профессорским теориям эволюции советской власти: да, действительно, эволюция, только в направлении, как раз противоположном предсказанному.

Вот с этой научно-кошунственной точки зрения нам бы следовало пересмотреть некоторые положения “науки о войне”, “философии войны”, “геополитики” и прочего такого. Если мы вдумаемся в ф а к т ы, а не в цитаты, то мы, как мне кажется, можем установить такой ряд фактов.

Сила Германии заключается в ее среднем человеке — необычайно работоспособном, дисциплинированном, технически одаренном, и, я бы сказал, технически добросовестном. Немец чрезвычайно добросовестен по отношению к вещам, к законам, к дисциплине, — и, выходя из рамок четко очерченных шестеренок, параграфов, предписаний и прочего — теряет всякую возможность ориентироваться. Но его средний уровень чрезвычайно высок. И технический уровень, отбывая пока что ряд осложняющих моментов, вероятно, выше любой иной страны мира — отделив взятой. Это народ точной механики, Uhrmachervolk — народ часовщиков, как немцы называют самих себя. Сила Германии в ее Амфлетах. Слабость Германии в ее Гегелях. Гегелей знают все. Об Амфлетах, кажется, еще никто не писал.

Herr Эдуард Амфлет был берлинским приятелем моего сына. В его уборной я обнаружил довольно странную коллекцию. В одних картонках лежали пустые тюбики из-под зубной пасты, в других — из-под крема для бритья, в третьих — всякие иные. В отдельных коробочках были тщательно рассортированы крышечки от этих тюбиков. Я спросил, что это за странная страсть к коллекционированию, на что Herr Эдуард Амфлет ответил мне: “А это для войны”. “Для какой войны?” “Ну, вообще для войны”. “А причем же здесь тюбики?”

Herr Амфлет обстоятельно объяснил мне, почему война вообще неиз-

бежна — совсем по Клаузевицу: "вечный мир есть сказка и даже не прекрасная" — и почему им немцам, необходимо собирать крышки от тубиков: "у нас может не хватить сырья".

Я не стал спорить о Клаузевице и только припомнил пропешествие, появившееся на страницы петербургской печати осенью 15-го года. При каком-то случайном обыске была арестована немка-учительница, у которой нашли пудов что-то пять так называемой "свинцовой" бумаги в какую-то тем временем заворачивали шеклад, чай и прочее. На вопрос полиции, зачем это нужно, немка гордо ответила, что она это собирала для войны и собирала много лет: Германия будет воевать и у Германии может не хватить сырья. Не знаю, цитировала ли эта немка Клаузевица. Но, вот, сидела женщина десятки лет в России, готовила русских детей по немецкому языку и для тех же детей готовила немецкие пуды из русского свинца. Философская ирония судьбы заключалась в том, что эта бумага только называлась свинцовой, — это была "фольга". Ни для каких пудов она не годилась вовсе.

Сила Германии заключалась вот именно в этом. Никто другой в мире этого сделать не может: ни собирать тубиков, ни копить свинцовую бумагу. Ни один народ в мире не может проявить такой дотошности, какую проявляют немцы. Это народ точной механики. Чем мельче данная операция, тем меньше имеют немцы конкурентов в этом мире. Чем она крупнее, тем более катастрофический получается разрыв между философией и реальностью. Сейчас немецкие философы в сегодняшней немецкой специальной печати объясняют эти катастрофы немецким идеализмом — понимая под идеализмом тенденцию изучать идеи, вместо изучения фактов. Это, конечно, не будет идеализм в русском смысле этого слова. Было бы гораздо проще назвать это просто схоластикой.

Берлинский и померанский Амфлетты годами и десятилетиями собирали всякие тубики и все воспитание нации было подчинено "целям войны". "Вечный мир есть сказка и даже не прекрасная" — так говорит Заратустра "науки о войне". Эти Амфлетты дрались блестяще. Как бы ни оценивать ход второй мировой войны,

нужно, однако, сказать, что защита Берлина — нелепая с какой угодно точки зрения, — была героической с точки зрения воинского духа страны: немцы потеряли все, но военная честь у них осталась.

Средние "померанские гренадеры" воевали блестяще — этого у них никто отнять не может. Очень высоко стояло среднее офицерство. Генералы, повидимому, были не хуже, но и не лучше всяких других. И "наука о войне" была хуже всякой иной, ибо именно она ставила недостижимые цели, — и пути к достижению недостижимых целей прокладывала так, что автоматически подымала против Германии весь мир. Ставила остальных людей в такое положение, когда для них лозунг "победа или смерть" приобретал буквальныи смысл: загоняла человека в угол, и ставила его перед перспективой — или погибнуть в каком-нибудь пестрительном лагере, или уж драться до конца.

В своей книге об иллюзиях я пытаюсь свести в краткую, но очень точную формулировку основные — самые основные — положения геополитики и науки о войне. Геополитика — по моей формулировке — есть немецкий суррогат немецкой пауки, долженствующий доказать немцам их естественное немецкое право на господство над всем миром. Ее основное положение сводится к тому, что всякая великая нация стремится выйти к берегу океана. Когда она вышла — начинается стремление к противоположному берегу. Когда достигнут и он — нация стремится захватить противоположный берег очередного материка: "Вечный мир есть сказка и даже не прекрасная". Это положение означает право на захват всего мира и автоматически ведет к войне против всего мира. Наука о войне требует подавления воли противника и рекомендует — для скорейшего достижения этой цели — предельную степень беспощадности. Предельная степень беспощадности вызывает сначала моральный, а потом и вооруженный отпор всего мира и автоматически ведет к разгрому.

Совершенно конкретный исторический пример.

В 1939 году немецкая военная ма-

шина обрушилась на Польшу, у которой, кроме "гонора" не было решительно ничего: ни одного авиационного, артиллерийского и даже оружейного завода. Была лихая кавалерия, которая действительно атаковала в конном строю немецкие танки, пытаясь саблями прорубить их "картонную" броню. Для победы над Польшей никакой "науки о войне" нужно не было. Польская армия была уничтожена. Началось "пассивное сопротивление" и оно преследовалось методами "беспощадного подавления воли противника" — об этих методах писалось достаточно много.

За это время мне случилось посетить и Варшаву и Стокгольм. В Варшаве я видел, что там делалось, а в Стокгольме я читал, что об этом писалось: из Польши уезжали или бежали тысячи нейтральных людей — шведов и норвежцев, американцев и аргентинцев, купцов, инженеров, певцов, журналистов — и мировая пресса была переполнена ужасом и отвращением. Несколько позже я спрашивал немцев: "Зачем все это нужно? — Подымать против себя общественное настроение всего мира?" Немцы отвечали: "А нам плевать — у нас военная машина. И эта военная машина действует на основании самой современной науки о войне и философии войны".

Наука и философия ставили людей в такое положение, из которого им никакого выхода не было. Даже и Советы оказались лучше: всякий жет все-таки как-то приспособиться поляк или почти всякий поляк мог к компартии и как-то жить — плохо, но все-таки жить. Но как было попасть в разряд "Герренрассе"? Мне случилось быть и в Праге — там я разговаривал с крупными чешскими капиталистами. Они говорили: "Мы — за Советы. Мы знаем, что Советы нас ограбят, а, может быть, и расстреляют станут. Но нас грабят и расстреливают и немцы. Однако, Советы — это временное явление. Если же война окончится победой немцев — то мы погубим и как капиталисты, и как чехи, и просто как люди".

Чехия не боеспособна психологически и ограничилась ожиданием, пока кто-то более боеспособный не справится с немцами и без чешского героизма. Но ни с Польшей, ни с

Югославией немецкая военная наука так и не справилась до самого конца войны. Философия ставила idiotские цели, наука снабжала idiotскими методами — и померанский грендер складывал свои кости во имя научно сформулированного безумия. Ни в одной из оккупированных немцами стран не было организовано ничего мало-мальски прилемного хотя бы для отдельных слоев покоренного населения. И покоренное население подымалось на дыбы партизанской войны. Не все, конечно. Но для партизанской войны всего населения и не нужно.

ХРИСТОЛЮБИВОЕ ВОИНСТВО

С точки зрения нашего сегодняшнего — предельно горького, но зато почти всемирного — опыта, нам бы нужно начисто пересмотреть почти все наши привычные формулировки. По мере возможности забыть Гегеля и Клаузевица и вспомнить Сергея Радонежского и Александра Суворова. И вспомнить слова, которые мы, и я в том числе — считали реакционными, архаичными, казенными и прочее. К числу таких слов относится и термин "христоролюбивое воинство". До моего немецкого опыта он казался мне казенно-канцелярским и консисторско-бессмысленным: вот, идут люди на убийство — причем тут Христос? Теперь — не кажется.

Германская наука о войне говорит, что мир есть сказка и даже не прекрасная, что война подымает моральный уровень нации. Христианство молится о "мире миру" и этот мир сказкой не считает. Православие принимает войну, как кару за грех, как тяжкий подвиг, оправданный только необходимостью. Освящает жертву боя, но никак не утверждает, что война ведет к нравственному оздоровлению народов. Не утверждает этого и статистика: после каждой войны кривая венерических заболеваний и разводов, краж и убийств взлетает катастрофически. Еще и сейчас пресса САСШ и Англии — пресса стран-победительниц — комментирует страшное снижение морального уровня стран победительниц, а что говорить о побежденных странах. Очень вероятно, что война действительно подымает моральный уровень генеральных штабов, но мораль-

Европейские миражи

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Спустившись с Сан-Готарда по южным склонам Альп мы проезжаем теперь по цветущей итальянской Швейцарии.

Курортный городок Лугано расположен на берегу озера того же наименования, окруженного, отражающимися в его водах, невысокими горами, покрытыми лесом, не дикими и не страшными, — здесь все уютно — и озеро, и горы, и примостившийся среди них чистенький городок, со стоящими вдоль набережной первоклассными отелями в тенистых парках, со старинным кварталом, как это полагается в итальянском селении, с его узенькими полутемными улицами, с крытыми аркадами в торговой его части, заполненными продовольственными лавочками и всевозможными магазинчиками, среди которых шумит шумная южная толпа, крикливо говорящая на итальян-

ском языке. Уже чувствуешь себя почти что в Италии...

Подъезжаем, наконец, к итальянской границе в Кьяссо, сидим в машине и ждем наше йочереды для выполнения всех формальностей.

"Гуд морнинг", сдержанно вежливо обращается, подходя к нам, пограничный чиновник итальянец.

"Бон джорно, синьоре", отвечаю я ему.

"Бон джорно, бон джорно", — говорит он с широкой улыбкой, "как я рад, что разговаривая с вами я могу не заставлять себя ломаться на чужом языке. Итальянец? Нет. Русский. Вот не думал!" тараторит он. "Туристы... Сейчас, сейчас, вот сюда..."

Через несколько минут мы уже на итальянской территории.

В первую очередь мы поехали осмотреть находящийся недалеко от

границы знаменитый отель Вилла-д'Эсте, расположенный в вековом парке на берегу озера Комо... Повторяю, впрочем, что не в моей задаче описывать здесь красоты итальянских озер и чудеса приложенного вкуса в садоводстве и в искусстве зодчества. Все это уже давно и многократно зафиксировано в шедеврах мировой литературы, и на полотнах художников, а ныне также и на фотографиях. Но, вновь находясь на итальянской территории, я снова переживаю своего рода священный трепет внушаемый мне, как и всем русским, этой землей и мыслью о народах на ней проживавших в течении тысячелетий и давших бесценный вклад в сокровищницу мировой культуры. Но это мое сентиментальное настроение было сразу же рассеяно как мираж, когда мои спутники, побуждаемые самым что ни на есть банальным любопытством, выразили свое желание осмотреть место убийства Муссолини.

Испытывая какое-то неопределенное чувство неловкости, я, все же, заставил себя обратиться к служа-

щему отелю за необходимыми справками:

"Скажите, пожалуйста", спросил я его, "можно ли посетить место, где был убит Муссолини?"

"Конечно, это возможно", ответил он, посмотрев на меня холодно-стеклянными глазами. "30 километров в сторону отсюда, но там ничего нет..."

"Но туда же ездят?" добиваюсь я.

"Да, конечно, ездят", нехотя говорит он.

"Кто же ездит?"

"Как кто!" удивился он, "фашисты ездят".

"Но как же они находят это место, раз оно ничем не обозначено, ни доской, ни памятником?" — настаиваю я.

"Памятник будет", вежливо говорит он мне, но с явной неприязнью.

"Лет через пятьдесят!" бросаю я проницательно.

"О нет. Гораздо раньше..." сдержанно возражает он, опуская глаза.

Я почувствовал, что настал момент прекратить разговор.

Отказавшись от паломничества,

ный уровень остального человечества падает катастрофически. Падает, конечно, и физический уровень.

Вернемся к Польше. Польша никогда в своей истории не наступала на Запад: западу, Германии, она отдала без боя и нынешний Берлин и Померанию, и побережье Балтийского моря. И Польша — от Болеслава Смелого в начале 13 века до Понцифа Пилсудского в начале 20-го — наступала на восток и разбивала свой собственный лоб о Россию. В жарнаву русские пришли только после пятисот лет польских попыток захвата России. И ридиться в ризы мученицы Польше никак не следует. Суворовский штурм Праги особенной нежностью, конечно, не отличался. Но в результате этого штурма в Польше был установлен порядок, при котором польским патриотам и и раз у не удалось поднять польское крестьянство против России — не удалось это и Костюшке. Как бы ни были велики и грубы ошибки раздела Польши и всего прочего, основная масса населения Польши против России не шла. Или, собственно говоря, только польские работорговцы и рабовладельцы. Христоблюбное воинство своей грудью и своими штыками пробивало путь к более человеческому более христианскому устройству, чем это было раньше. Но, конечно, у Суворова не было никакой "науки о войне", как у Александра Второго не было никакой науки о геополитике. В Гельсингфорсе, во время советских, то-есть все-таки русских, воздушных бомбардировок "Зимней войны" у подножья памятника Царю Освободителю всегда лежали свежие цветы. Кто положит сейчас цветы у памятников Гегелю и Клаузевицу? Может быть — маршал Соколовский?...

НАУЧНАЯ СТРАТЕГИЯ

По Суворове мы только служили на-нихды. Даже и наша литература обогнала его почти полным молчанием. Единственное ценное, что было написано об этом человеке, было написано М. Алдановым — не генералом, не военным и даже не русским... А все остальные — генералы, военные и русские пережевывают Клаузевицей и забывают факты.

Если мы будем основываться на фактах и только на фактах, то мы

можем установить такой ход событий.

Вот, германская "военная машина" пошла в ход. Она ломала все, что было или совершенно слабо (Польша), или вовсе не подготовлено (Франция), или воевать не желало (СССР начала войны). Было очень легко и просто захватывать в котел Кутно польские армии, не имевшие ни авиации, ни танков, почти не имевшие артиллерии и численно раза в три слабее, чем немецкие войска. Было очень легко и просто устраивать "прорывы" на советском фронте, когда целые дивизии перешли на немецкую сторону и когда "прорывы" выросли сами по себе. Но когда "наука о войне" ("подавление воли противника путем применения предельной беспощадности"), продемонстрировала русскому Ивану необходимость сопротивления с такой же "предельной беспощадностью", то с прорывами и котлами было кончено с раз у. Когда у Аль-Амейна появилась еще импровизированная, совсем поворожденная английская армия, то с походом на Египет было кончено с раз у. и тогда научным работникам философии войны только и оставалось гордиться тем, что не все они попали в плен.

Мы не должны забывать той колоссальной помощи, которую мировой идиотизм оказал немецкому безумию.

Термин "идиотизм" принадлежит не мне. Это У. Черчилль так характеризует довоенную и военную политику союзников. В самом деле:

Англичане боялись войны и потому не хотели к ней готовиться. Чехию сдали без боя. Польше не помог никто, хотя Сталин помог Германии. Дании, Норвегии, Голландии — не помог никто, как и они никому не помогли. В момент занятия Чехии, Франция, по данным Черчилля, имела на франко-германской границе 71 дивизию против пяти немецких — Франция и пальцем не пошевелила. Гитлер атакует Францию — у той нет ни авиации, ни порядка, — и Сталин всячески помогает своему товарищу по профессии. Бельгия капитулирует, Англия кое-как уносит свои поги, и Сталин оказывается один на один со своим товарищем по профессии. Товарищ по профессии прет на Восток и союзники довольно спокойно ждут, пока Иван Обломов не обломает

Гитлеру его самых последних ребер. Союзное командование тянет, как может, со вторым фронтом и отдает по войскам приказы не соваться зря и не тратить крови. Вся война перекладывается на плечи русской партизанщины. И научные прогнозы ген. Кайтеля проваливаются истинно блестящим образом: партизанщина съедает военную машину "по винтикам, по кирпичикам". И Сталинградский рычаг этой машины остался без снабжения...

Немецкая наука о войне одерживала победы только над теми противниками, для которых никакой "науки" и вовсе не было нужно. Польшу Германия превосходила силами, раз, вероятно, в десять, Францию, раза, вероятно, в четыре, и тут можно было обойтись и без "джину-джигу", просто подавить превосходством сил. Но когда силы хотя бы приблизительно уравнивались, то никакая наука ничего не помогала. И начинался откат: и от Нила, и от Волги. И никакая философия войны ничего не организовала — ни перед Волгой, ни перед Нилом. Померанский грендер своими честными костями заплатил за безумие науки и за идиотизм философии.

Оставаясь на почве, так сказать, чистой абстракции, мы могли бы сказать:

НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ И АНГЛИИ просим вносить плату за газету и направлять все денежные поступления исключительно нашим представителям на местах:

ВО ФРАНЦИИ —

Mr. Alexandr Krivocheeff,
Libr. "Kama",
27 rue de Villiera
Neully s/Seine Seine

В ГЕРМАНИИ —

Hr. Fedor Seuberlich,
Wolfsburg, Kr. Gifhorn,
Postfahl, 20

В БЕЛЬГИИ —

Mr. Iwan Slobodjanik,
50 rue de Garrennes,
Boites Fortes Bruxelles

В АНГЛИИ —

Mr. Vladimir Baratchewsky,
26 Tottenhamstr., London W. 1
сообщая одновременно Редакции о сделанных взносах.

если ни одно государство мира не может быть организовано на началах философии.

если ни одно человеческое общество не может быть организовано на началах философии,

если ни семья, ни искусство, ни быт, ни хозяйство не может быть основано на началах философии, —

то какое основание ожидать, что на началах философии, всякой философии, какой бы то ни было философии, можно организовать и войну и победу.

Сейчас и мы и немцы сидим в почти одинаковой дыре. Но это еще не конец, еще не самое дно. При том уровне разума, который сейчас демонстрируют и немцы и союзники, война будет вестись на территории Германии, и от Германии не останется почти ничего. При том уровне философии, которой руководится товарищ Сталин — беспредельное расширение при беспощадности средств — мы еще переживем вещи, которые, может быть, заставят нас от Гегелей и Клаузевицей обратиться к Сергию Радонежскому и Александру Суворову.

Что-ж? Лучше поздно, чем никогда.

ЦЕНА НОМЕРА:

Северная Америка — 25 ам. центов
Южная Америка — 1 арг. пезо.
Бельгия — 10 бельгийских франков.
Франция — 50 франц. франков.
Англия — 1 шиллинг.

В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов, с поправками на всякие "курсы дня" и с тем, что наших представителей редакция просит установить цену самим. Из тех стран, откуда это возможно, просим слать переводы непосредственно в адрес редакции деньгами, чеками или почтовыми купонами.

Цена номера и в подписке и в рознице одинакова. Подписка принимается на 10, 20, 30 и т. д. количество номеров.

О б ъ я в л е н и я:

о розысках ..... 1 доллар
остальные — строка в
1 колонку ..... 20 центов

мы уселись на террасе около самой воды, в рамке райского пейзажа этого во всем мире знаменитого отеля, и спросили холодный кофе со льдом. Четыре порции стоили 1000 лир. Такова итальянская действительность. Правда, — отель этот предназначен лишь для избранных мира сего.

А через какие-нибудь полтора часа мы уже подъезжали к Милану. Вспомнилось мне, как в Париже, весной 1943 года, почти каждый вечер часов в одиннадцать, начинали завывать сирены, оповещая жителей о воздушной тревоге. Наступала гробовая тишина пригнанного города и вскоре издали начал доноситься гул моторов англо-американских эскадрилий. Я повертывал кнопку радио-приемника: "Аттенционе! Аттенционе!" говорила итальянская радиостанция. "Тревога... Провинция Аоста, Кунео, Турин, Милан..." Моторы режут уже над самой головой. Где-то совсем рядом ахают немецкие зенитные орудия... На небе видны красные вспышки взрывов... Падающие снаряды, с сухим треском

посыпают крыши домов, мостовые и тротуары... Потом наступает жуткое затишье до следующей волны бомбардировщиков... "Аттенционе! Аттенционе!" слышу я итальянскую станцию и с отвращением отгоняю от себя мысль, как через несколько минут начнут падать на эти несчастные города тяжелые бомбы, заставляя людей в подвалах домов, разрывая на части тела мужчин, женщин и детей... "Аттенционе! Аттенционе!"

Предмесья Милана сильно разбиты бомбами. Там и сям целые группы домов сравнены с землей. Приближаемся к центру города. Разрушений почти нет. На перекрестке улиц зажигается красный огонь. Останавливаемся. К нам подбегает прохожий и на ломанном английском языке предлагает разменять доллары. По какому курсу? Отъезжаем в сторону. Тут же размениваем 20 долларов по 620 лир за доллар. Выезжаем затем на площадь перед знаменитым Миланским собором. Несколько домов в лесах, — заканчивается их восстановление.

Вечером я пошел побродить по городу. Уселся я в кафе перед освещенным фасадом собора. Рядом со мной сидит молодой человек. Разговорились.

"Скажите, пожалуйста", спрашиваю я, "где именно было здесь на площади повешено тело Муссолини?"

"Это не на этой площади", говорит он, "это на другой, вот в том направлении.. Вы иностранец?"

"Да. Я — русский".

"Русский? К несчастью, я был с итальянской армией в России. В Киеве, Харькове, Ростове на Дону..."

"Были в плену? Какие ваши впечатления?"

"В плену, к счастью, не был. Посчастливилось. Наши пленные, возвращавшиеся из СССР, весили иногда по 37 кило. Их всех снимали в таком виде и каждый получил на руки

свою фотографию. Потом отправляли в санатории. Они рассказывают теперь про советскую жизнь... Я видел советские города, большевики построили в них немало новых домов и, главным образом, фабрик, но рядом с ними торчат невероятные лагуны. Ну, а в деревнях такая нищета, что жутко становилось. Может быть лет через 50 жизненный стандарт русских и начнет приближаться к западно-европейскому, но, конечно, не при советском тоталитарном режиме..."

"У вас тоже был тоталитарный режим", говорю я.

"Да, конечно", протянул он, искося посмотрев на меня, "но... это совсем другое дело..." И переменил разговор.

Николай Кремнев.

Милан, август 1948 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ "НАШЕЙ СТРАНЫ" В УРУГВАЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Sr. ALEJO NEYELOFF

Calle Talcahuano 3226, Montevideo, Uruguay

Просим наших подписчиков в Уругвае производить все расчеты исключительно по вышеуказанному адресу.

И Д Е И - Л Ю Д И -

ЗАПРОСЫ ШТАБС-КАПИТАНОВ

Сейчас вокруг "Нашей Страны", как и лет десять-одиннадцать тому назад вокруг "Голоса России", начинает концентрироваться общественное мнение монархической эмиграции, и это мнение требует каких-то организационных форм. Из десятков писем на эту тему я приведу пока письмо Е. М. Бродовского из Уругвая, в котором эти требования изложены в наиболее сжатой форме.

...Позвольте задать вам несколько вопросов по, так сказать, "партийной линии":

1. Мы — монархисты. Если, в силу обстоятельств, В. Кн. Владимир Кириллович не может сейчас возглавить движение, то оно может развиваться, ему нужны какие-то лидеры, какая-то группа лидеров. Есть они и кто они?

2. "Наша страна" является идеологическим официозом монархического движения. Вокруг нее будут группироваться монархисты, будет создаваться какое-то "общественное мнение". Все это будет сосредотачиваться в ваших руках и в вашей голове. Вы будете создавать это движение, придавая какую-то конкретную форму той аморфной массе, которой оно сейчас является, намечая вожakov в разных частях света. Быть может со временем они и сами выявятся. Но, так или иначе, взявшись за "Нашу страну", вы автоматически становитесь организатором и направителем нашего "движения". Между тем вы пытаетесь скромно выпустить вожжи из рук, отговариваясь своей неопытностью, и намереваетесь передать свои права любому профану, который может натворить ряд ошибок и свести на нет единственную серьезную попытку спасти Россию после свержения коммунизма.

3. Ваше обращение к деловым людям Америки очень хорошо, но нужна новая легучка с предложением проекта структуры какого-то представительного органа русской эмиграции. Эмиграция должна иметь юридическое лицо, с которым могли бы договариваться заинтересованные страны.

4. Беритесь и организуйте наше движение, чтобы оно не было застигнуто с погасшими свечками, чтобы оно могло занять подобающее ему место и здесь, за границей, и там — дома.

По этому поводу я хотел бы напомнить нашим друзьям краткую историю возникновения штабс-капитанского движения в 1937 году. На краткий курс истории ВКП(б) или прочих букв это никак не будет похоже.

В те времена я был категорически против всякой новой организации за рубежом. Я считал, что Церковь и Российский Обще-Воинский Союз должны исчерпывать собою всю организационную сторону белой эмиграции. Сейчас не стоит возвращаться к моей горькой полемике с РОВСОМ. Дело шло о спасении его от сепаратизма и от внутренней линии. Это не удалось. Сейчас РОВСО, как организация фактически не существует. Церковь, по понятным причинам, не может взять на себя чисто политиче-

ских функций. Политическая организация нашего монархизма является, поэтому, настоятельной и очень спешной необходимостью.

В своих статьях нашу организацию я обозвал "форменным скандалом". Эта оценка правильна, но эта оценка относительна.

Буэнос-Айрес был одним из последних городов в мире, куда я хотел бы попасть. Это не потому, что он плох сам по себе — хотя он слишком далек от всех центров нашего рассеяния — а потому, что политическая атмосфера этого города — эмигрантская атмосфера, — была или казалась хуже, чем где бы то ни было в другом месте. Старой эмиграции здесь очень мало, но и она в свое время была почти целиком монополизирована младороссами, которые по естественному ходу событий сейчас перешли в советский патриотизм. Здесь издавался "Русский в Аргентине", который имел 2.000 тиража при его антисоветской ориентации и вырос до 8.000, когда перешел на советскую. Потом здесь возникла очень крупная группа солидаристов, начавшая издавать свои "Вехи". Я уже писал, что младороссы и солидаристы были, если так можно выразиться, самыми организованными организациями зарубежья.

Я со своим ударным батальоном в лице сына, его жены и двух внуков высадился в Буэнос-Айресе 29-го июля этого года. Мы ехали на итальянском пароходе. Перманентные макароны на гнилом жиру привели наше нещеварение в такое состояние, от которого мы не можем отделаться до сих пор. Десятка четыре писем, отправленных с парохода воздушной почтой не пришли нигде. Денег у нас не было ни копейки. Наш официальный представитель нам ничем помочь не смог. Положение казалось совершенно безвыходным.

Эта статья пишется для восьмого номера "Нашей Страны". За четыре месяца наши штабс-капитаны, до сих пор мне вовсе не известные, набрали деньги для газеты, окружили нас всех истинно трогательными заботами и утверждают, что "Наша Страна" не пропадет. К этому времени самые организованные организации зарубежья потерпели или частичное или полное фиаско. Младороссы приказали долго жить, "Вехи" прекратили свой выход. Так кто же, в конце концов, оказался лучше организованным?

В своих новых книгах я пытаюсь доказать, что наше "иррегулярное казачество" было организовано совершенно неизмеримо лучше, чем гвардейская кавалерия Пруссии: ибо оно, — это казачество, — выполняло ту цель, которую русская государственность перед ним ставила. А самая прусская и самая гвардейская кавалерия не выполняла никаких задач.

Нечто вроде этого происходит и со штабс-капитанским движением. Оно носит совершенно иррегулярный характер. Оно росло само собой, можно сказать органически, но можно сказать и самотеком. Покойная Тамара Владимировна вела, так сказать, всю организационную работу, нашего, так сказать, центра и всех ее усилий и при всем ее

желании она вести ее не могла. В частности потому, что мы, тогда еще совершенно новые эмигранты, — из старой эмиграции лично не знали никого. К числу самых удивительных вещей этого периода относится тот факт, что из почти сотни наших коммерческих представителей нас надул только один человек, да и то случайно, так сказать, без заранее обдуманного намерения. Представительства были совершенно иррегулярны. Никакого контроля над ними не было. Иррегулярная система организации оказалась выше многих регулярных.

Сейчас технические предпосылки для какой бы то ни было новой штабс-капитанской организации безмерно хуже, чем они были десять лет тому назад. Около половины русской эмиграции совершенно разгромлено движением советов в Европе и в Азии. То, что еще от эмиграции осталось и в Европе и в Азии, не знает ни дня, ни часа своего, все сидит на чемоданах и мечтает о визах. Счастливицы, получившие эти визы, высаживаются на берегах Нового Света без копейки денег. Послевоенная почта работает истинно ужасающе. И тем не менее штабс-капитанскую организацию нужно воссоздать и тем не менее она будет воссоздана.

ДЛЯ ЧЕГО?

Тридцатилетнее бытие нашей эмиграции переполнено всяким организационным блефом. Когда немцы заняли Прагу, они унифицировали все русские организации. Этих организаций оказалось 148. Было у них 148 председателей, и вероятно 296 товарищей председателей. Был в Белграде даже и Союз бывших вице-губернаторов. Сейчас возрождается старый блеф.

Я только что получил из Европы номер новой, в общем очень симпатичной газеты. Вот две вырезки из нее (название организаций из этих вырезок вычеркнуто):

"Начальникам Отделов и Дружин предлагается озаботиться своевременной присылкой в Отдел печати ..... материалов о жизни подведомственных им соединений соратников для хроники Движения.

***

Решением Главы ..... устанавливается самообложение соратников Движения: в виде снабжения патристическими марками всех писем, относящихся к Движению, посылаемых друг-другу соратниками и всех письменных обращений соратников к управительным органам Движения. Подробности сообщаются циркулярно".

Газета очень симпатичная, но само собой разумеется, что никаких ни дружин, ни начальников дружин, ни "подведомственных им соединений соратников", а также и никаких "управительных органов движения" и в природе не существует, ибо не существует и движения. Это просто полтора вождя собралось где-то в лагерной кабинке, заимствовали из лагерного потолка и движение, и его "управительные органы" и промышляют

сплошной халтурой. Некоторые откровенно вот такой халтуры падают на нас всех: "Единожды совравши — кто тебе поверит".

Вот, совсем недавно, американское агентство "Ассошиэтед Пресс" радостно сообщило всему человечеству, что имеется, де, в эмиграции такой мистер Болдырев, а у этого Болдырева имеется пять тысяч революционеров, в любой момент готовых неспровергнуть советскую власть. Если, конечно, САСШ дадут им хотя бы, скажем, 50.000 долларов, но десять долларов на нос, (или по тысяче) и тогда эти пять тысяч болдыревских революционеров, имеющих свои подпольные организации в каждом Байдалакокшайске, легко и нежно справятся с тремя миллионами коммунистов, с миллионом войск НКВД и с прочим в этом роде. То-есть, сделают то, чего не удалось сделать ни Троцкому, ни Бухарину, ни Деникину, ни Кутепову, ни Ягоде, ни Тухачевскому, ни Гитлеру, ни Власову.

Это есть, конечно, совершеннейшая халтура, и она, конечно, дискредитирует нас всех, — всю эмиграцию. Ибо само собой разумеется, что в правящих кругах любой страны мира имеется вполне достаточное количество разумных людей, которые отлают себе совершенно ясный отчет в возможностях столь легкого свержения — по рецепту товарища Болдырева — таких режимов, как режимы товарищей Сталина или Гитлера. Если бы это было так просто, то англичане, вероятно, предпочли бы обойтись без второй мировой войны.

Русская эмиграция должна себе дать совершенно ясный отчет в том, что никаких возможностей свержения советского режима у нее нет. Непосредственная борьба с советской государственностью есть или утопия, или иллюзия, или халтура и обман. Высокопочтенные эмигрантские призывы о "борьбе с нашим общим врагом" звучат чрезвычайно патристично. Но их объективная ценность очень сильно приближается к нулю. Соотношение сил между какой бы то ни было государственностью и какой бы то ни было эмиграцией нацело исключает какие бы то ни было эмигрантские возможности какого бы то ни было action directe, и организации, поставившие себе целью эту action directe, неизбежно переходят на халтуру. Эмиграция может сделать единственное реальное дело. Это — выковывать идеи, выковывать свои кадры и ждать. Больше она не может сделать ничего.

Даже так называемая антикоммунистическая агитация иностранцев находится под некоторым вопросом. Я думаю, что наша семья сделала для этой агитации больше, чем кто-бы то ни было другой. Было издано семь книг, которые в общем выдержали, вероятно, около трех-четырёх десятков иностранных изданий. Мои статьи и очерки появлялись в десятках иностранных журналов и газет. В разъяснение некоторых свойств нашего штабс-капитанского движения могу сказать, что все это было организовано только и исключительно штабс-капитанскими руками. Но когда иностранцам антикоммунистическая пропаганда была внешне-политически

О Р Г А Н И З А Ц И Я

не нужна, то ее они или не читали вовсе, или никаких практических последствий она не имела. Когда ЦЕУ похитило Кутепова и Миллера, то французская полиция и пальцем не пошевелила. Когда же Косенкина выпрыгнула из окна, из этого сделали мировую сенсацию и Косенкину охраняют, как зеницу ока, хотя совершенно ясно, что политическое значение Кутепова и Миллера не может идти ни в какое сравнение с политическим весом Г-жи Косенкиной. Единственная надежда заключается в том, что может быть при исключительно благоприятном стечении обстоятельств каким-то очень разумным иностранным кругам можно будет доказать выгоду одной политики и невыгоду другой. Само собой разумеется, что об идеях и прочем в этом роде им и говорить не стоит. Но для меня также само собой разумеются три вещи.

1. В пределах всякого человеческого предвидения никакая "национальная революция" невозможна.

2. Советская власть может быть свергнута и будет свергнута только в результате войны, как это уже случилось с революционными государственными образованиями Франции, Италии и Германии.

И что, наконец, в результате всего этого в будущей России властью будем мы.

Мы — это, конечно, не я с моими соратниками и читателями, а мы — это монархия, для которой мы, несколько десятков тысяч живых русских людей эмиграции, должны расчистить дорогу и не должны предъявлять ей таких бы то ни было требований. То-есть: по мере наших сил и наших возможностей проделать то, что проделали наши тягловые предки в 1613 году.

ВОПРОС ОБ ИДЕЕ.

В представлении среднего русского эмигранта обе революции 17-го года являются просто несчастной случайностью — Unfall, как говорят немцы. В представлении любого из авторов бесчисленных воспоминаний — революция и ее последствия произошли именно из-за того, что когда-то и кто-то не послушался именно его — автора данных воспоминаний. Вот, если бы Николай Второй послушал Родзянку, если бы Родзянку послушал Милокова и если бы Милоков послушал Керенского, если бы Керенский послушал Ленина, если бы Деникин передал власть Врангелю во время, если бы союзники поддержали Деникина и Врангеля, если бы немцы не поддержали Ленина и Троцкого, если бы в споре между правым и левым крыльями кадетской партии, то-есть между Маклаковым и Милоковым, Милоков послушался бы Маклакова, то катастрофы у нас не было бы. Все они, авторы всех мемуаров, были замечательно умными. Все они, авторы всех этих мемуаров, давали замечательно умные советы. И всех их, авторов всех этих мемуаров, не слушал никто.

Если вы попытаетесь умственным взором вашим охватить все это чудовищное нагромождение "если бы", то вы не можете не прийти к тому убежде-

нию, что все это есть совершеннейший вздор и что за кучами воспоминаний, мемуаров и запоздалых советов, и гипотетических "если бы" замалчивается тот самый основной факт, что в течение сотен лет русский правящий слой, главным образом в лице его пишущей интеллигенции, делал и сделал все, что мог, чтобы обрушить Россию в катастрофу ее сегодняшнего дня. Покойник Мережковский как-то ляпнул свою знаменитую фразу: "Самодержавие защищает интеллигенцию от народа". Теперь мы видим в совершеннейшей степени ясно: самодержавие защищало народ от интеллигенции. Ибо и та Государственная Дума, которая вонзила нож в спину монархии, армии и России в 1917 г. и тот генералитет, который, забыв долг присяги, предал Царя в тот момент, когда судьбы России висели на волоске, и то Временное Правительство, которое в течение нескольких месяцев ухитрилось организовать в России кабак, и до сих пор именуемый керенщиной, и Ленин, и Троцкий, и Бухарин, и Зиновьев, и Гоцлиберданы и Плехановы — все это ведь было сплошной русской интеллигенцией. И победа этих сливок над монархией привела решительно к тому же, к чему в иных исторических условиях привели: побода шляхетства пад монархией в восемнадцатом веке, устранение боярами монархии в Смутное Время или подрыв самодержавия недоношенным русским феодализмом в эпоху татарских и печенежских нашествий.

Для того, чтобы подорвать монархию и на ее месте организовать "диктатуру класса" — бюрократического при Сталине, или шляхетского при Екатерине — нужно было прежде всего убрать монархию. Ибо именно она, а не Белинский и Чернышевский, защищала народ от всего того, что с ним сейчас происходит. В восемнадцатом веке монархию убрали, так сказать, тихую сапой: перевели столицу к черту на кулички, подальше от центра страны, сажали на престол кого попало и правили, как хотели. В девятнадцатом веке, после разгрома декабристов, этот способ сошел на нет. Началась вековая кампания клеветы и лжи. Все доброе, что делали цари для народных масс, все это замалчивалось. А так как злого они не сделали ничего, то вот и строились легенды о Николае-Палаче, об Александр-пьяницах, о царицах-шпионках и о том, что, вообще, русская монархия была ставленницей дворянства. Хотя вся поддержка монархии шла с низов и хотя все царевнишества были проведены руками правящего слоя. Хотя с абсолютной бесспорностью ясно, что с момента восстановления русской монархии при Павле Первом до момента ее прерыва при Николае Втором — все русские Цари вели одну и ту же линию — ликвидации рабовладельческого наследия восемнадцатого века.

НАУЧНО ОРГАНИЗОВАННОЕ ВРАНЬЕ.

Что мы знаем обо всем этом? Почти ничего. Что мы можем узнать?

Почти только в результате случайностей. Вот я, человек с высшим образованием, так сказать, средний интеллигентный человек из пишущих людей России. Что я знал до моей ссылки в Померанию? Почти ничего. Что я знаю сейчас? Чрезвычайно мало. Самые основные факты нашей истории от нас скрыты так старательно и глубоко, что до них мы, профаны, можем докопаться только путем случайности. Позвольте мне иллюстрировать эту случайность совершенно конкретным примером.

В 1943 году я сижу в ссылке в Померании и никаких документов у меня нет. Один из наших штабс-капитанов — русский немец — проживавший в городе Глатце, около Бреслау, пишет мне, что он может снабдить меня несколькими пудами свинины, если я смогу за ней приехать. Я поехал. Заготовка свинины потребовала трех дней. Мой штабс-капитан, как оказалось, служил переводчиком в штабе немецкой дивизии, расквартированной в Днепропетровске и сейчас находился в отпуску. Из какого-то днепропетровского советского клуба он притащил около тонны советской литературы. Во всякой советской литературе я читаю почти непреодолимое органическое отвращение, но так как документов у меня не было, и я не хотел рисковать понасть на улице, то эти три дня я просидел дома, перерывая эту кучу. В ней я обнаружил основательный том академика Герье "Замосковский край в 17-ом веке" — советское издание 1940 года. Это — около 500 страниц статистических таблиц, посвященных всенародной переписи середины 17-го века. Ни при каких условиях я бы в этих таблицах копаться не стал бы. Но я стал. Я эту книгу взял с собой и сделал из нее целый ряд выписок. Потом почти все они пропали. Но кое-что осталось. Вот одна из них:

На странице 314-315 помещена сводка переписи скота в 82 деревнях, имевших 1425 душ населения. На эти 1425 душ приходилось скота: Лошадей — 942, жеребят — 130, коров — 1465, телят — 800, овец — 1347, свиней — 1343.

Это значит, что на каждую душу населения, включая и детей, приходилось приблизительно по одной свинье, одной овце, одной корове и почти по одной лошади.

Я полагаю, что эти цифры, взятые сами по себе, еще ничего не говорят. Они и мне сказали очень мало. Я разыскал цифры 1917 года для тех же мест.

По данным профессора Челищева ("Сельско-хозяйственная география России", Прага, 1924 год, стр. 133) в тех же местах на 100 душ населения приходилось: коров — 19,6, овец — 39,7, свиней только 7.

Царствование Николая Второго было экономически самым благополучным со времени царствования Алексея Михайловича. В 1917 году научно организованного марксистского разбоя на Руси еще не было. И вот за лет 250 перестройки русского мужика на научных условиях Лейбницей, Вольтером и Гегелем русский мужик обеднел по меньшей мере в пять раз. Теперь, после очередной на-

учной перестройки по Марксу, он обеднел, вероятно, еще раз в пять.

Всякий разумный человек, наделенный нормальными человеческими мозгами и нормальной человеческой совестью, должен понять, что таблица академика Герье имеет неизмеримо большее значение для истории России и для понимания истории России, чем все исследования о favoritoх наших Екатерин, или о губернских реформах всех двухсот лет. Цифры переписи царя Алексея Михайловича есть самый решающий показатель всего русского исторического процесса. Имейте ввиду: всей истории России. Ибо, если через сорок-пятьдесят лет после разрухи Смутного Времени на каждого человека России приходилось по корове, овце и свинье, то это значит, что самодержавие Алексея Михайловича выдержало исторический экзамен истинно невероятным образом. Но это значит и другое: что вся наша историческая наука есть

сплошной подлог.

Ибо не зная всего этого наши историки не могли. Они это знали. Кое-где это проскальзывает. Покровский в одном месте пишет, что благополучие страны при Алексее Михайловиче дошло до того, что не хватало водки, пришлось ее выписывать из Дании. Кое-что о том же мямлит и Ключевский. Но все они не промямлили ни одного слова о том, что при самодержавном царе Алексее Михайловиче русский мужик не был крепостным, что ему были гарантированы неприкосновенность личности и жилища, что он судился судом присяжных, и что по части всякой демократии Москва Алексея Михайловича обогнала современную ей Англию лет, этак, на полтора-два.

Но даже и для Пушкина Москва Алексея Михайловича была бездной, на краю которой Петр Первый "Россию вздернул на дыбы". На дыбы — не знаю, но на дыбу Россия вздернута была.

Теперь дальше. Алексей Толстой на второй странице своего романа "Петр Первый" формулирует, так сказать, экономическую базу Московской Руси.

"Хозяйство Бровкиных было крепкое: один конь, одна корова и четыре курицы. Соседи говорили — зажиточные".

Четыре курицы художественно подчеркивают нищету старой Москвы, даже и петуха, повидимому, не было. У Ключевского есть маленькая справка о тех же временах. Коротенькая, туманная и мало вразумительная:

"Даже и в малоземельном дворе (курсив мой, И. С.), засеваемом от 1½ до 11½ десятины, в озимом поле находим 3—4 улья пчел, 2—3 лошади с жеребятами, 1—3 коровы с подтелками, 3—6 овец, 3—4 свиньи, в клетях 6—10 четвертей хлеба" (четверть — 210 кг.).

И больше об этом Ключевский не говорит ни слова — не дает никакого сравнения с тем, так что же случилось с русским мужиком в последующие просвещенные эпохи русской истории.

Мог ли Алексей Толстой не знать цифр Герье? Вероятно, мог. Мог ли он не знать цифр Ключевского, —

Идеи - Люди - Организация

наверняка не мог. Алексей Толстой есть советский писатель — блестящий писатель — но по советскому его происхождению он не мог не быть лжецом. Весь его "Петр Первый" есть —

сплошная ложь.

Но ведь Алексей Толстой был не первым в этой славной плеяде мучителей и фальсификаторов. Из десятилетия в десятилетие в полных собраниях сочинений, в гимназиях и в университетах, в грошевых листовках и в толстых журналах шла упорная и пастойчивая, научная и совершенно бессовестная пропаганда всяческой лжи о прошлом России, о ее народе и о ее монархии. Не удивительно, что вот сейчас целая треть новой подсоветской молодежи стоит за монархию. Поразителен тот факт, что все-таки, хоть у одной трети остался неизуродованный нашей наукой наш национальный инстинкт. Не то удивительно, что в феврале 1917-го года нашей интеллигенции удалось убрать монархию, а то удивительно, что она все-таки продержалась эти страшные сто лет от Павла Первого до Николая Второго. Удивительно то, что все это чудовищное нагромождение фальсификации, подделок, клеветы и лжи еще не окончательно затуманило русские мозги.

А ЧТО ЖЕ НАМ?

И вот приходим мы, зарубежные штабс-капитаны, к новому русскому эмигранту и говорим ему о монархии. Что же мы можем сказать, кроме личных воспоминаний? И почему он, новый эмигрант, обязан этим воспоминаниям верить? Ведь документальных данных у нас нет почти никаких. То, что есть, совершенно случайно и отрывочно. Вот есть у меня выписка из советского статистического органа, где мельком сказано, что в "голодную зиму 1915—1916 года" московский рабочий съедал в день 3.600 калорий, то-есть столько, сколько сейчас съедает совершенно процветающий американец мирного времени.

Так вот: пока у нас не будет документированных данных о том, чем была русская монархия и что и как она делала для русского народа, до тех пор наше штабс-капитанское движение висит, так сказать, в идейной пустоте. В лучшем случае оно может аргументировать эмоциональными доводами о чести и славе России, но в этом случае советские патриоты могут

нам сказать, что вот и сейчас товарищ Сталин защищает и честь и славу где-то в восточном секторе Берлина. Мы даже не можем сейчас конкурировать со Сталиным в его "национальной" пропаганде, которую он поднял до нестерпимых высот. Но то, что мы можем и то, что мы обязаны сделать, — это нашими соединенными усилиями взять швабру и отскребать лед России и лед монархии от того дегтя, которым и Россию и монархию наша, извините за выражение, наука вымазывала по меньшей мере сто лет. Пока этого нет — мы висим в воздухе.

По всей вероятности, в ближайшее время мне удастся издать "Белую Империю" в ее очень сокращенном варианте. Очень жаль, кроме полторы тысячи страниц, в которые вложено почти десять лет работы. Но нельзя заниматься утопиями. Издание полутора тысяч страниц есть утопия. Этот суррогат "Белой Империи" должен стать идейной базой нашей организации. И мне, лидеру этой организации, приходится еще раз протянуть руку-моя всем русским монархистам, в рассеянии сущим:

Моя историческая эрудиция явно недостаточна. Я не знаю, возможна ли вообще эрудиция, охватывающая и статистику Герье и воспоминания Брема (автор жизни животных) и порядки Тульского Оружейного Завода и стройку великого Сибирского пути и жалобы английских купцов времен Алексея Михайловича на то, что русские купцы вытесняют их, английских купцов, из лондонского рынка. Думаю, что такой эрудиции быть не может.

В годы моих скитаний я обнаружил очень большое количество штабс-капитанов и эрудиция и наблюдение которых значительно шире моих. Поэтому еще одна просьба:

Дайте мне все то, что вы документально знаете о всех сторонах жизни и деятельности русской монархии, русской промышленности, русской науки (настоящей, а не гуманитарной). Имейте в виду: тысяча профессоров, десятки тысяч приват-доцентов мазали русскую монархию сто лет подряд. Как могу я один все это отскребать? Это будет работа реальная, конкретная и до зарезу нужная, которую может сделать любой штабс-капитан в любой берлоге. Но это, конечно, не значит, что только этим мы ограничим нашу организационную деятельность.

(Продолжение следует).

Нашим читателям и корреспондентам

Ряд наших читателей высказывает пожелания о введении в газете информационного отдела. Наши корреспонденты шлют материалы информационного характера. И читатели и корреспонденты, повидимому, не отдают себе отчета в некоторых технических деталях издания "Нашей Страны".

Наша газета выходит два раза в месяц. Информация о некоем событии, которое произошло, допустим, в Париже, допустим, 1 ноября, попадет в редакцию не раньше 10 ноября и может попасть в номер, выходящий не раньше 15 ноября. Номер "Нашей Страны" от 15 ноября попадет в Париж не раньше, чем 15 декабря, — то-есть информация устареет совершенно безнадежно и никому уже не будет нужна.

"Наша Страна" издается в расчете на всю антибольшевистскую и монархическую эмиграцию всех стран нашего рассеяния. Эта эмиграция в подавляющем большинстве случаев читает местную прессу — русскую и иностранную — и хроника текущей политической жизни черпает именно оттуда. Та небольшая часть людей, смещенных даже и из лагерей ДП, еще не знающих местного языка — с каждым днем тает, — ибо люди начинают читать на местных языках. Так, здесь в Буэнос-Айресе, люди очень настаивают на отделе общеполитической и чисто местной информации. Это — не линия "Нашей Страны". Всю эту информацию дают здесь газеты "За Правду" и "Суворовец", и обе газеты справляются с этой задачей вполне удовлетворительно. "Наша Страна" ставит себе совершенно иную задачу: идейную защиту наших антикоммунистических, антифашистских, православных и монархических убеждений от всяких — прошлых, настоящих и будущих — попыток подменить религию философией ("всякой философией") и традицию — прожектерством ("всяким прожектерством").

"Наша Страна" пытается и будет пытаться выполнить приблизительно такую роль:

С 1917 по 1948 год мы терпим непрерывные поражения, все мы — от монархистов до социалистов и от Деникина до Власова. Для каждого поражения, отдельно взятого, мы можем найти достаточно приемлемое отдельно взятое объяснение. Но с суммой поражений не объяснит никакая сумма объяснений. Ничего не объясняют даже и суммы ошибок. Под внешне видимой поверхностью ошибок ген. Деникина и ген. Власова и "гениальности" Ленина и Сталина скрываются, как нам кажется, более глубокие факторы нашей истории: вековая борьба философии с религией и отсебятины с традицией. Но в то время, как коммунисты последовательно ведут свою борьбу с предельной логической последовательностью — наша сторона останавливается на полуслове, полумерах, полувере. Ген. Деникин был в с е т а к и монархистом, но из монархических принципов использовал только губернаторов. Р. Абрамович есть в с е т а к и социалист, но теперь ему приходится из всех социалистических принципов отстаивать только "крупную государственную или, что то же

самое, крупную казенную промышленность". Однако, довольно очевидно, что ни во имя губернаторов, ни во имя казенной промышленности массы на бой не пойдут.

"Наша Страна" по замыслу и по географическому положению будет пытаться освещать события, которые совершались, совершаются и еще будут совершаться в этом мире, главным образом с точки зрения защиты российской социальной традиции. И доказывать, например, тот, как нам кажется, совершенно бесспорный факт, что Священный Союз Императора Александра Первого и Николая Первого свою задачу умиротворения и восстановления Европы выполнил совершенно неизмеримо лучше, чем их выполняют столь демократические сооружения, как Лига Наций и ООН. Или: что мир, очутившийся без царя в голове, превратился в мировую керенщину.

Один из наших корреспондентов на днях прислал из одной из полуколониальных стран информацию о выборах в Приходской Совет и о созыве казачьей станицы. В эту страну только что прибыло очень значительное количество новых и старых русских эмигрантов. И не в нее одну. Как сживается и сливается новая и старая эмиграция? Как к ней относятся европейское и местное население? Какие характерные черты принесли с собой люди, только что переселившиеся из каких-нибудь Соловков со всеми их разновидностями — в эту колонию чьего-то там империализма? Как идет борьба между коммунизмом и антикоммунизмом в этой колонии?

Новая эмиграция принесла с собою новую ненависть к большевизму и новые наблюдения над самой развешелой и самой развешелой стилистической жизнью. Если исключить блестящую книгу Кравченко — на русском языке так и не опубликованную — то нужно сказать, что своей информационной роли новая эмиграция НЕ выполнила. За описаниями пыток и голода, террора и страха — не видно не то, что общей картины тех сдвигов, которые произошли перед войной и во время войны, но нет даже и отдельных иллюстраций советского быта, бюрократии, правящего слоя, молодежи, семьи, религии, хозяйства, колхозов, комсомола, партии, духовенства, офицерства и прочего и прочего, — что определяет собою общий облик современного СССР. Новая эмиграция молчит и... устраивается. Устраивается она хорошо. Это — очень утешительно: России очень нужны и до-зарезу будут нужны люди практического дела. Но — она молчит. И старая эмиграция действует так, как действуют профессора психологии — пола мужского — пишущие целые томы о психологии пола женского — а женский пол молчит. Устраивает свои практические дела: выходит замуж.

Большая просьба к новой эмиграции, дать хоть что-нибудь о чем-то настоящем в СССР. И такая же просьба к нашим корреспондентам и просто друзьям — освещать основные линии развития событий в тех странах, куда и новую и старую эмиграцию занесла нелегкая наша судьба.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

América del Sur:

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Uruguay: Sr. Alejo Neyeloff, calle Talcahuano 3226, Montevideo.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8157, Sao Paulo.

Venezuela: Leo Oljovsky, Constitución 609, Valencia.

Canadá: G. Malycheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mich. Novash 103, ave. "A" — New York 3. USA.

Europe:

Germany, Brit. Zone. Tr. Seuberlich Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 69.

Francia: "Kama", 27, rue de Villiers Neuilly s/Seine, Seine.

England: V. Baratchevsky "Russian Book Shop", 28, Tottenhamstr, London, W. 1.

Belgique: Mr. Slobodjanik, 50, rue de Garrennes, Boites Fortes, Bruxelles.

Grecia: Mr. D. Filatoff, rue Dedalou 26. Athènes.

Africa:

Tunes: Mr. Rycoff, rue d'Espagne. Maison Paul. Bizerte.

Egipto: "La Bibliothèque Russe", 7, rue Ghirga Ibrahimieh, Alexandrie.

О НАШЕМ ИЗДАНИИ

Сейчас, после почти четырех месяцев издания “Нашей Страны”, начинают вырисовываться общие контуры дальнейшего существования газеты. Сейчас уже можно сказать, что сегодняшнее количество подписчиков и розницы приблизительно обеспечивало бы издание, если бы не валютные перегородки, которыми отгородились друг от друга собственно все страны мира, кроме САСШ, Канады и Швейцарии. Таким образом, может создаться такое положение, когда издание и будет иметь деньги и не будет иметь их: плата за газету будет лежать у представителей, а здесь за типографию платить будет нечем.

Местные ресурсы — помощь местных русских людей приближается к исчерпанию. Так, что, вероятно, в феврале—марте газета еще раз вступит в критический период своего существования. Если она его переживет и если к этому времени мы успеем наладить хотя бы более или менее регулярное поступление денег от представителей — “Наша Страна” будет стоять твердо и будет стоять на собственных ногах.

Послевоенный мир утыкан всякими неожиданностями. Так мое английское изво — в Лондоне — Уильям Нортуорт — на два моих запроса из Буэнос-Айреса о моем гонимом — не ответил ни слова: до войны такой способ действий, кажется, не был прижит. В Гамбурге по вопросу об этом гонимом меня несколько раз вызывало английское валютное управление и предлагало, чтобы я эти деньги получил на Германию — денег якобы есть пять тысяч фунтов — и оно, валютное управление, по крайнему благородству своему — обменивает мне английские фунты на немецкие марки (старые, до-реформенные) по паритету. Я этим благородством не воспользовался. Остальные издательства не отвечают вообще ничего — до войны так принято не было.

Наши читатели и представители жалуются на доставку газеты. Мы здесь провели научно поставленный эксперимент: я послал газету самому себе: наклеил марки и бросил несколько экземпляров в разные почтовые ящики — до сих пор (уже две недели) я не получил ни одного. До войны так, кажется, тоже не случалось. И здесь редакция бессильна совершенно.

В числе довольно многочисленных просчетов, допущенных редакцией, находится и розничная цена в Бельгии и Франции. При нашем нынешнем тираже — около трех тысяч — расходы по изданию, то-есть бумага, типография, почта, редакционные расходы — к р о м е расходов на рабочую и пишущую силу — могут быть покрыты только при цене номера

около 25 ам. центов. Когда тираж перейдет за эти три тысячи — розничная цена будет уменьшена. Но для Франции и Бельгии была указана цена в 10—12 центов (6 бельгийских и 25 французских франков), которые кроме того неизвестно, как еще получить сюда. С очень большим огорчением нам приходится поднять эту цену до 10 бельгийских и 50 французских франков — вероятно, только временно.

В заключение — еще одно соображение о независимости печати. Независимая газета — это та, которая оплачивается читателями и только ими. При том условии, что для газеты типа “Нашей Страны” — не имеющей никакого местного характера, такой основной источник существования, как объявления, отпадает вообще, ее читатель остается единственным источником ее существования. Независимая газета или имеет очень мало смысла, или не имеет вообще никакого. Во всяком случае — моя газетная работа при отсутствии независимости не имеет и вообще никакого смысла. Защита национальной традиции России, по совершенно естественному ходу событий, — не на своей земле и не в своей стране — никак не является ни увеселительным, ни коммерческим предприятием. Если в нашем рассеянии есть люди, которым эта защита близка и дорога — на их, этих людей, совести лежит и дальнейшее продолжение этой защиты.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ О:

САМОДЕРЖАВИИ, КОНСТИТУЦИИ, РЕВОЛЮЦИИ И ПОГРОМАХ

О САМОДЕРЖАВИИ:

Если спросите у русского народа, чего он хочет: самодержавия или конституции, то 90% его вам ответят, что они за самодержавие, то-есть за ту форму правления, с которой свыклись. Народ ждет, что царь, как отъятый помещик в крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и у власти станут болтуны-адвокаты, заводеры и прогоревшие помещики, то он скажет, что земли ему не получить...

(“Яснополянские Записки” т. 1 стр. 85)

О КОНСТИТУЦИИ:

Так и у нас (как во Франции — П. С.) конституция не будет содействовать уменьшению насилия, а скорее увеличению его.

(“Яснополянские Записки” т. 1 стр. 85)

О РЕВОЛЮЦИИ:

Если была бы революция, то выдвинулись бы такие люди, как Марат и Робеспьер и было бы еще хуже, чем теперь.

(“Яснополянские Записки” т. 1 стр. 86)

О ПОГРОМАХ:

Они (черная сотня — П. С.) противодействуют насильственному разрушению существующего порядка. Не верю, что полиция подстрекает народ. Это и о Кишиневе и о Баку говорили... Это грубое выражение воли народа... Народ видит насилие революционной молодежи и противодействует ей, а ей нужны волнения. (Гол. Мин. 111, 26).

И, наконец, о расстреле гапоновской рабочей демонстрации на площади Зимнего Дворца 9 января 1905 года:

Царская власть это известное учреждение, как и церковь, куда не пускают собак. К царю можно обращаться по известным, строго определенным формам. Все равно, как во время богослужения нельзя спорить со священником, так и всякое обращение к царю, помимо установленного недопустимо... Как же он будет принимать рабочих электрического завода? После них придут депутаты приказчиков, потом “Московских Ведомостей” и т. д. Царь не может выслушивать представителей петербургских рабочих... (“Я. З.” 1, 84).

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Все права сохранены за редакцией.

(Продолжение).

На душе становилось совсем мутно: вот так и прошла жизнь. В монастырь бы — так теперь и монастырей нет. Из партии уйти? И поздно, и некуда. Гололобов хлебнул еще и постарался устроиться поудобнее. Дождь начинал бить по кустам черемухи, осинника. Гололобов поджал ноги и, чтобы удобнее сидеть, вынул из заднего кармана свой тяжелый кольт. Вид пистолета принес ему какое-то утешение: вот, так, вложить дуло в рот — раз! и никаких тебе ни вопросов, ни ответов. — прямо на лono Авраама, Исаака и Барла Маркса... Гололобов хлебнул еще. Да, крышка в угол загнали, как волка на облаву. В тайгу бы — да стар для тайги. Гололобов повертел в руке кольт, вложил для пробы дуло в рот, провел языком по шершавой насечке прицельной рейки... И потом все сразу перестало быть...

Если у товарища Гололобова была душа, то, покидая его партийное тело и партийную книжку, она, вероятно, никак не могла сообразить — так что же собственно случилось: самоубийство? Неосторожное движение указательным пальцем? Или, просто, с пьяных глаз? Душа посмотрела на распростертое тело, махнула рукой и поплыла дальше — по законам небесной механики.

Шерлок Холмс.

С пассажирского поезда 6.22 слез кавказского вида гражданин в приватной одежде, с портфелем в руках и с видом человека, приехавшего в командировку и потому располагающего неограниченным запасом свободного времени. Начальник ст. Тысково оглядел его только мельком: вот такого вида дяди наезжали время от времени скунать рога или копыта, инспектировать кооператив, или организовывать сбор дохлых кошек для нужд индустриализации Сибири — много таких шаталось. Гражданин посмотрел на хмурое небо, поднял воротник своего пальто и зашагал в деревню. По тому, как он шагал и осматривался — можно было заметить, что в Тыскове он в первый раз. Более внимательный и стреляющий наблюдатель мог бы опознать в гражданине переолетого сыщика, из всех сил старающегося сохранить инкогнито.

Позолотив по деревне, гражданин обнаружил уже известный нам трактир “Красный Закусон”, тот самый, в котором начал свою литературную карьеру товарищ Стенка. Гражданин бодрым шагом поднялся по скрипящим ступеням крыльца и вошел в трактир — место с которого начинают свои изыскания все начинающие сыщики. Втрактире он был встречен пузатым дядей, который, оглядев приезжего с головы до ног, спросил лаконично:

— Ну, что?

Из этого вопроса приезжий установил, что деловитое обслуживание посетителей не входило в задачи данного учреждения.

— Есть у вас чего поесть? — спросил гражданин.

— Рано еще.

— А позже будет?

— И позже — не будет.

— Так чем же вы торгуете? — спросил гражданин.

— Есть водка и кипяток, — ответил пузатый дядя.

— Что же, водку, значит, пить и кипятком закусывать? — спросил гражданин.

— А по мне — хоть подожвой, — сказал пузатый дядя и посмотрел на гражданина пронизывающе.

— Ну, что же, хоть водки дайте, — сказал гражданин и сел за столик.

Пузатый дядя принес полбутылки, вынул пробку, поставил посудину на стол:

— Деньги вперед и за посуду залог, пятьдесят пять копеек, — сказал он.

Гражданин вынул кошелек и безропотно вручил пятерку. Пузатый дядя не производил особенно обидительного впечатления, но никого другого в трактире не было.

— Что у вас за дела делаются? — вступительным тоном начал гражда-

ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ “НАША СТРАНА” НА АНГЛО-АМЕРИКАНСКУЮ ЗОНУ ГЕРМАНИИ ЯВЛЯЕТСЯ

Herr F. SEUBERLICH

Postfach 20, Wolfsburg (Krs. Gifhorn), Alemania

Просим всех наших подписчиков в Германии вносить подписную плату исключительно по вышеуказанному адресу.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ “НАШЕЙ СТРАНЫ” В ВЕНЕЦУЭЛЕ:

LEO OLJOVSKY

Constitución 609 — Valencia

Подписную плату и все суммы, предназначенные для редакции, следует направлять-ну Ольховскому.

Аркадий Рахманов

РУССКАЯ ПРЕССА ВО ФРАНЦИИ

Нигде, пожалуй, русская эмиграция не находится в столь скверном моральном состоянии, как во Франции, где длительная и упорная работа темных сил по ее разложению привела, нельзя отрицать, к серьезным успехам. И если отделение от русской эмиграции советских патриотов и дало на краткий период известное оздоровление атмосферы, то те же самые закулисные силы с еще большей энергией вновь прилагают все усилия к деморализации и нейтрализации русских антибольшевистских кадров во Франции.

В дальнейшем мы осветим подробнее этот процесс, постоянную же статью посвятим специально, немаловажному, вопросу о русской прессе во Франции.

Историю русской печати в послевоенное время можно разделить на три периода. В начале выходили только советские газеты "Русские новости" и "Советский патриот" (первая благополучно существует и поныне, вторая была закрыта по распоряжению французского правительства). Затем стал выходить "Свободный голос" С. П. Мельгунова. Это было большим событием в жизни русской

эмиграции во Франции. Журнал с жалостью рвали из рук. С. П. Мельгунов, народный социалист по своим убеждениям, в тот момент занял умную и удачную позицию — широкого фронта против большевиков. И, несмотря на то, что журнал встречал массу препятствий на своем пути — от недостатка средств, до запрещений со стороны правительства и отказа типографий, под давлением большевиков, его печатать — он в течение нескольких месяцев достиг большой популярности. Однако, очень скоро журнал стал терять свое лицо и постепенно превратился в партийный орган даже не народных социалистов, а воинствующих меньшевиков. На страницах "Свободного голоса" застрелили статьи товарищей Далгина и Двинова, вызывавшие в широких массах эмиграции единодушное отвращение. Результаты сказались очень скоро — тираж упал, и Мельгунов, еще вчера казавшийся потенциальным возглавителем всей русской эмиграции во Франции, быстро превратился в вождя небольшой группы ультра-левых интеллигентов. Мельгунов понял, видимо, свою ошибку и, порвав с Далгиным и Двиновым, отсут-

нил направо вплоть до признания конституционной монархии и заговорил об объединении эмиграции в целом. Но момент был уже упущен. Посмотрим, как будет развиваться деятельность организуемых сейчас Мельгуновым "Союза борьбы за освобождение России" и журнала "Русский демократ". Не думаем, однако, чтобы они могли вернуть былую популярность "Свободного голоса", тем более, что за это время в жизни русской печати во Франции произошел ряд важных событий.

Первым из них явилось появление в свет газеты "Русская мысль", которую стал издавать В. А. Лазаревский, бывший сотрудник Мельгунова, воспользовавшийся его ошибками, лишившими "Свободный голос" завоеванного им положения. Созданный в удобный момент при поддержке правой части эмиграции, "Русская мысль" теперь ведет на нее атаку, комбинируя с попыткой внутреннего ее разложения. Естественным ответом со стороны правых кругов эмиграции было бы создание сильной правой газеты, однако, до сих пор в этом направлении делались лишь разрозненные попытки, не увенчавшиеся крупным успехом. Так, Национальный Русский центр, созданный в противовес организованному Лазаревским "Союзом Белого Креста",

выпускает свою газету "Знамя", выходит и другая газета "Трибуна", под редакцией Н. В. Мейера. Но обе эти газеты не имеют четкой идеологии. Это обстоятельство, наряду с отсутствием средств, мешает им как следует развернуться.

Наибольшие надежды пробуждает начинавшая недавно выходить под редакцией Е. А. Ефимовского монархическая газета "Русский путь" под лозунгом "За Веру, Царя и Отечество". Однако, вышедшие до сих пор номера не во всем удовлетворяют читателей. Газета должна использовать следующие факторы: 1. Наличие сильного монархического движения среди русских в Германии, 2. Значительные группы монархически настроенных новых эмигрантов во Франции, голос которых давно уже хочется услышать, 3. Эмигрантская молодежь, состоящая главным образом из монархистов. Вместо этого, г. Ефимовский пытается опереться на старое поколение русской эмиграции во Франции, в большинстве своем во всем и верившееся и ни на что не способное. Будем надеяться, что редакция сумеет исправить свои ошибки и не допустит до срыва столь важного начинания как издание во Франции, в центре Европы, русского монархического печатного органа.

Аркадий Рахманов.

— Тут, говорят, красноармейцев каких-то перебили?

— Красноармейцев? — переспросил пузатый дядя. — Ты что это за разговоры разговаривать начинаешь? Никакой тебе водки нету — И пузатый дядя убрал бутылку обратно — пятерки, впрочем, не вернул.

— Эй, вы, давайте бутылку! — закричал гражданин.

— Никакой тебе бутылки. Учреждение закрывается — шел вон!

Гражданин вскочил на ноги, но пузатый дядя напер на него всем своим животом, и гражданину показалось, что он, как муравей, перед дорожным катком — вот вот накатится и раздавит.

— Эй, Митяка, — заорал пузатый дядя благим матом. — закрывай заведение!

Техника закрытия заведения была выработана, повидимому, давно. На крыльце раздавался топот босых ног, захлопнулись ставни одного окна, потом другого, и в трактире наступила полная тьма — так, что даже живот пузатого дяди не было видно. Гражданин почти инстинктивно пробрался к светлой полосе у двери — и дальнейшее было закончено животом пузатого дяди: гражданин как-то очутился за дверью, дверь захлопнулась за его спиной и за дверью раздался грохот закрываемых засовов. Гражданин вышел на улицу, еще раз осмотрел вывеску с красным закусонном, плюнул и пошел дальше — в поисках дальнейших источников информации.

Очередной источник информации подложил полудохлых коров и, казалось, был заинтересован появлением на таежной улице нового лица.

— Селям алейкум. — шутливо сказал ему гражданин.

— Пошел к чертовой матери! — серьезно ответил источник информации.

— Почему ты лезешь? — спросил гражданин.

— Заворачивай направо. — ответил источник.

— Почему направо? — спросил гражданин.

— А тут направо, у нас бараний водопой, как раз для тебя.

Гражданин колебался между профессиональным долгом сбора дальнейшей информации и индивидуальным желанием дат высточнику по морде. Но выбрал компромиссный путь:

— Скажи, а где живет товарищ Гололобов?

Источник кинул кнутом:

— Вот, там, по тропке до забора, потом через забор, по огороду, а там на пригорке и дом стоит.

— Так почему же по огороду? — спросил гражданин.

— Да огород-то колхозный, не обходить же его?

Гражданин пошел по направлению, указанному кнутом. Тропка, действительно, приводила к забору, за забором был, действительно, огород и огород был действительно колхозным: из девственной чащи лопухов, ренейника и прочего кое-где пробивались круглые рожи подсолнухов и торчали пухлые хвосты фасоли. Через огород, действительно, вела тропка и гражданин пошел по ней, не без некоторых укоров партийной совести, впрочем.

***

Мадам Гололобова открыла дверь и увидела стропного дядю, лет этак тридцати пяти, широкого в плечах и узкого в талии, — брюнета по всем статьям.

— Здесь живет товарищ Гололобов?

— Здесь. — неуверенно ответила мадам Гололобова.

— А можно его видеть?

— Нельзя, — ответила мадам Гололобова.

— То-есть, как же это так? — удивился гражданин. — Я вчера с ним по телефону стоворился, что я сам к нему приеду, моя фамилия Чикваидзе. Он должен был меня ждать.

— На охоту ушел, — сказала мадам Гололобова.

— То-есть, как же это на охоту.

если я ему сам сказал, что я сам приеду, а скоро он вернется?

Мадам Гололобова еще раз осмотрела товарища Чикваидзе. У того был аристократически острый нос, и интеллигентное выражение маслянистых глаз и вообще темперамент. "Может быть, тут как раз судьба моя", подумала мадам Гололобова.

— Зайдите, товарищ Чикваидзе, — сказала она, — может товарищ Гололобов скоро вернется, конечно, раз вы с а м и ему сказали... только у нас тут беспорядок, вчера тут товарищи из центра были.

— Кривошеев, — сказал Чикваидзе. — Это я знаю.

Он вошел в комнату, пол которой был кое-как прибран, но на столе еще стояли всякие вещи.

— Заходите, товарищ Чикваидзе, — еще раз сказала мадам Гололобова, — может быть закусить не побрезгуете.

— Спасибо, товарищ Гололобова, чайку я бы выпил.

Чикваидзе выпил бы и водки, но в семь утра, в начале дня, посвященного поискам информации — нет, лучше чайку. Гололобова исчезла в кухню. Чикваидзе снял пальто, сел на стул и испытующим оком осмотрел комнату. Никаких вещественных доказательств, кроме неподпитых бутылочек, он тут не нашел.

Мадам Гололобова скоро вернулась с чайником и со стаканами, но уже в каком-то новом одеянии и с подкрашенными наспех губами. Товарищ Чикваидзе произвел глазмерную оценку личных достоинств мадам Гололобовой, оценка дала невысокий результат. У Гололобовой был вид интеллигентной женщины, только что пережившей душевную драму и мечтающей по меньшей мере о монастыре. Интеллигентный вид никакого впечатления на товарища Чикваидзе не произвел. Он поболтал ложечкой в стакане, отхлебнул, обжигаясь, плоток, и еще раз:

— Совсем странна. А товарищ Гололобов часто на охоту ходит?

— Часто, — сказала мадам Гололобова удрученным тоном. — В такой глуши — что делать. Вот — сижу здесь, как, можно сказать, усыпальница...

— Как вы сказали — усыпальница?

— Ну, да, как та принцесса, которая все спит. Так та, по крайней мере, спала, а я тут безо всякого образованного общества, одни мужики, никакого обращения. В кино, да и в ту за это верст ехать надо...

— Да, места, так сказать, отдаленные, — согласился Чикваидзе.

— А приезжают люди из центра, так только и знают, что водку пить, — сказала Гололобова и сейчас же пожалела, как бы Чикваидзе и на свой счет не принял. — Я не к тому, чтобы без водки, — поправила она — по мужским делам, известно, без водки никак нельзя, а только ежели все водка и водка и никаких вам интеллигентных понятий там о книгах, или о Моссельпроме, скажем, так разве это для интеллигентной женщины?...

— Да, конечно, — согласился Чикваидзе. — Но только здесь, кажется, вчера особенно скучно не было. Совсем, как в кино — даже и со стрельбой...

— Ах, и не говорите, — сказала Гололобова, — а все это Дунька проклятая.

— Какая Дунька? Почему Дунька?

— Известно, Дунька. Как говорится, — шипишь ля фамм.

— Как это вы сказали?

— Я говорю — шипишь ля фамм.

— Ага. Тут только — шипишь — не шипишь, а ни шипишь не вышипишь. — Чикваидзе даже сам удивился своему каламбуру. — А какая Дунька? — спросил он.

— Эта самая. Жучкина. Из-за нее все и загорелось.

— Вот тебе и раз! — подумал Чикваидзе — может быть, Гололобова по бабьему делу разболтает и то, о чем сам Гололобов промолчал бы.

(Продолжение следует).